

УДК 343.9.01

В. Н. Дрёмин

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КРИМИНОЛОГИИ

Общепризнано, что основной формой человеческой активности является практическая деятельность, направленная на удовлетворение многообразных потребностей, преобразование материального мира, общественных отношений и самой личности. Очевидно, что потребности (даже в конкретном благе), чаще всего, не могут быть удовлетворены одним поступком или действием, в связи с чем осуществляется ряд поведенческих актов. Систему поведенческих актов, обусловленных реализацией определенных потребностей и вызывающих изменения в окружающем мире или в самом деятеле, называют деятельностью.

Проблема деятельности в научном плане имеет философское, социологическое, психологическое и криминологическое содержание. Философские и психологические аспекты деятельности разрабатывались такими известными учеными, как Г. С. Батищев, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, О. Г. Дробницкий, Э. В. Ильенков, А. Н. Леонтьев, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин, С. Л. Рубинштейн и др.

Криминологические аспекты теории деятельности изучали А. И. Долгова, А. Ф. Зелинский, А. П. Закалюк, А. Н. Костенко и др.

Многогранность обсуждаемого вопроса не позволяет нам в рамках статьи проанализировать различные научные подходы в его решении. Целью данной статьи является анализ базовых положений теории деятельности, методологически важных в объяснении механизма индивидуального и коллективного (группового) преступного поведения. Мы исходим из того, что преступность не является каким-либо особым видом человеческой активности, не располагается за пределами социальной деятельности, а есть сама деятельность, обнаруживаясь в той или иной форме в повседневной практической деятельности людей. Как утверждают В. В. Давыдов и Ю. В. Громыко, характерная черта современной общественной жизни людей состоит в том, что она обнаруживает себя только через их деятельность, которая имеет различные виды и формы и направлена на преобразование объективной природной и социальной действительности. Деятельность имеет культурно-историческую природу и выступает в качестве способа воспроизводства социальных процессов, самореализации человека, его связей с окружающим миром. Любая сфера социальной практики является определенным видом человеческой деятельности [1].

В философской и психологической литературе утверждается, что деятельность становится системой активности всего человечества. Процесс деятельности рассматривают как интеграцию активности через нарастающую связь технологий, техники, информационных потоков, а также унификацию экономических, правовых, организационных отношений разнородных субъектов,

осуществляющих конкретные виды деятельности сообразно своим потребностям, интересам, целям [2].

В. С. Швырев следующим образом характеризует неограниченность саморазвития деятельности, понимаемой в качестве независимой системы: «Деятельность — это такая форма активности, которая способна по самой своей природе к неограниченному каким-либо извне заданными рамками пересмотру и совершенствованию лежащих в ее основании программ, к неограниченному, так сказать, «перепрограммированию». В этом смысле деятельность — принципиально открытая система, способная к неограниченному саморазвитию в рамках объемлющего ее универсума» [3].

В криминологических целях важно подчеркнуть, что основной, или конституирующей, характеристикой деятельности является ее предметность [4]. «Изменение обстоятельств» возможно лишь через предметную деятельность, подчеркивают философы [5]. Этот тезис в полной мере относится к анализу преступной деятельности, проявляющейся в широкой гамме конкретных преступных деяний.

По мнению академика А. Н. Леонтьева, в самом понятии деятельности уже имплицитно содержится понятие ее предмета: «Выражение «беспредметная деятельность» лишено всякого смысла. Деятельность может казаться беспредметной, но научное исследование деятельности необходимо требует открытия ее предмета. При этом предмет деятельности выступает двояко: первично — в своем независимом существовании, как подчиняющийся себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично — как образ предмета как продукт психического отражения его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» [6].

Практическое преобразование действительности, т. е. деятельность, осуществляется для удовлетворения материальных и духовных потребностей общества и человека. Вместе с тем предметность деятельности, по сути, означает её социальность, ибо «предмет не замыкает человеческую самореализацию, а открывает ее социальному миру, другому человеку, представляет ее разным («близким» и «дальним») людям, «транслирует» ее в пространстве и времени социального процесса» [7].

Для понимания природы криминальной активности, проявляющейся в конкретных преступных деяниях, важно отчетливое понимание того, что предметная деятельность не означает обязательное наличие предмета в смысле вещи или иного объекта материального мира. Этот вопрос обстоятельно исследовал В. Е. Кемеров. Он, в частности, писал: «Деятельность становится возможной только при наличии человека как предметного субъекта деятельного контакта, изменения, процесса. Только предметный субъект в состоянии привести в действие предметные средства, вывести их из связей «логики вещей» и заставить двигаться в формах деятельности. Предметность деятельности — отнюдь не в том только, что человек имеет дело с предметами, а в том, прежде всего, что он — предметный субъект, могущий по-разному связывать и преобразовывать предметы, приспособлять их к разным ситуациям и потребностям, придавать

им формы, которых они от природы не имеют, возрождать в них силы и способности, заложенные в них другими людьми» [8]. Ученый подчеркивал, что деятельность не может совершать человек «вообще», ее реализуют конкретные индивиды, совместно или автономно. Человеческая индивидуальность включена в социальный процесс не только через прямые контакты с другими людьми, не только через общение с ними, но и через множество предметных опосредований, среди которых человеческая индивидуальность оказывается наиболее важным связующим звеном. Небезынтересен в криминологическом отношении следующий вывод В. Е. Кемерова: «Предметность индивидного бытия — от пуговицы до дверного звонка, от букваря до телевизора, от карандаша до автомобиля — все это средства общения, формы социальной связи, реализуемой в деятельности людей. Вычесть эти формы из деятельности и общения — и мы увидим везде примерно одни и те же структуры социальных взаимодействий. Включить их в рассмотрение деятельности — и мы увидим, что одни и те же, казалось бы, структуры общения выполняют совершенно различные функции в обществе, где опыт передается напрямую от человека к человеку, и в обществе, где телевидение выстраивает общемировую сеть человеческих коммуникаций» [9].

Связь предметности и социальности человеческой деятельности свидетельствует о том, что «индивидуальная деятельность человека, по сути, тоже является социальной, поскольку она реализует (выявляет, создает, достраивает, синтезирует) человеческие силы и способности и таким образом участвует и воспроизводит социальный процесс. Индивидуальный аспект человеческой деятельности, социальный по своему содержанию и предметный по формам своего воплощения, кажущийся иногда чем-то второстепенным, по существу является «ядром» и «сердцевинной» деятельности, ее «живою плотью» [10]. Как заметил В. Е. Кемеров, «для современного обществознания представляется банальным утверждение о том, что социолог или психолог должны «исходить из реальных индивидов» [11]. Это суждение в полной мере применимо к анализу преступной деятельности.

В советской криминологии одним из первых к психологическим аспектам преступной деятельности обратился А. Ф. Зелинский, которого с полным правом можно назвать основоположником деятельностной теории в отечественной криминологии. Первые его работы по данной проблематике были впервые опубликованы еще в 70-е годы прошлого века [12]. В них и опубликованных позднее трудах [13] обосновывалась необходимость изучения преступного поведения не как отдельных разрозненных фактов преступлений в биографии конкретного лица, а как системную последовательность поведенческих актов, направленных на достижение конкретных результатов [14].

В рамках исследования психологии рецидива преступлений А. Ф. Зелинский обосновал наличие прогнозируемой последовательности человеческих поступков, рассматриваемых им как преступная деятельность [15]. Высказанные им идеи получили развитие в его последующих работах. В книге «Криминальная психология» А. Ф. Зелинский рассмотрел преступную деятельность во взаимосвязи таких категорий, как «человеческая активность», «поведение»,

«деятельность». А. Ф. Зелинский исходил из того, что всякая открытая самоуправляющаяся система не может функционировать без взаимодействия со средой, без обмена энергией и веществом с внешним миром. Формы такого взаимодействия могут быть различными, но все они предполагают активность системы, то есть расходование энергии для изменения среды или приспособления к ней. Это относится и к человеку — самоуправляемой системе высочайшей сложности. Реагируя на внешние и внутренние раздражители, индивид активно воздействует на свое окружение, приспособляясь к нему и приспособляя его к себе. Активность — наиболее широкое понятие взаимодействия человека с миром. Она присуща всем живым существам и самоуправляемым техническим системам — от простейших автоматических устройств до современных компьютеров. Поведение — форма проявления активности. Поведение может рассматриваться в широком и узком смыслах. В широком смысле поведение означает активность высших животных, регулирующую на психическом уровне и соответствующим образом упорядоченную. В узком смысле поведение — это система человеческих поступков, отражающих отношение личности к другим людям, к обществу, к самому себе. В таком смысле поведение — категория нравственная и правовая. Согласно концепции А. Ф. Зелинского, основанной на современной психологической теории, поведение — это активность человека, получившая нравственную и правовую оценку. Деятельность — разновидность поведения и форма проявления активности. Понятие «деятельности» соотносится с «активностью» как вид с родом. Деятельность имеет системный характер и подчинена общей мотивации в рамках единой программы поведения и заключается в изменении и преобразовании внешнего мира и самого деятеля [16].

Таким образом, схема «активность» — «поведение» — «деятельность» раскрывает различную глубину психологического анализа социальной активности человека. Выводы профессора Зелинского А. Ф. направлены на раскрытие психологических особенностей поведения конкретного преступника и не касаются коллективной деятельности и деятельности, понимаемой нами как массовая социальная практика.

Теорию предметной деятельности использовал профессор А. Н. Костенко при построении концепции криминального произвола. А. Н. Костенко рассматривает предметную деятельность как основу человеческого взаимодействия и утверждает, что отношения между людьми опосредствуются предметами, которые имеют форму собственности. Социопсихологическая анатомия произвола заключается, по мнению А. Н. Костенко, в том, что «неучастие человека в обмене предметами или идеями как «меновыми стоимостями» приводит к тому, что социологический и психологический элементы его личности, т. е. его предметное бытие и его сознание, проявляются в виде произвола и иллюзий, в том числе и криминального произвола. В соответствии с этим детерминируется и регулируется произвольное поведение, в том числе и криминальное» [17].

Высказанные этими авторами идеи получили определенное развитие в работах по криминалистике, уголовному праву, социологии [18]. В современной

отечественной криминологии, на наш взгляд, не уделяется достаточного внимания исследованию преступности как предметной деятельности и разновидности социальной активности человека. Между тем концептуально важно рассматривать преступность не как совокупность преступлений, а как разновидность социальной активности (криминальной активности), проявляющей себя в предметной деятельности.

В одной из ранее опубликованных работ нами была предпринята попытка актуализировать этот вопрос в контексте системного анализа преступности. В частности, обращалось внимание на то, что предметный характер преступной деятельности проявляется в конкретных потребностях, целях и мотивах, что является важным обстоятельством для характеристики преступности как разновидности социальной активности. Этот вид деятельности не единственный для личности и находится во взаимосвязи с иными видами активности, свойственными данному человеку, иным людям и социальным группам. Многообразие поступков определяется полимотивностью человеческого поведения. Каким образом эти поступки между собой связаны, являются ли они случайными или закономерными — ответы на эти вопросы во многом определяют понимание преступности, ее системного характера и механизма функционирования. Преступность, являясь результатом особой по своим мотивам, целям и нравственно-правовой оценке предметной деятельности, выступает лишь как одно из проявлений человеческой активности и находится в закономерных связях с иными видами деятельности человека [18]. Впоследствии такой подход получил развитие при исследовании экономической, организованной, коррупционной, налоговой преступности [20].

Российский криминолог Г. Н. Горшенков пишет: «Уникальность явления преступности состоит в том, что оно рассматривается как форма предметного мира, как способ, ступень познания этого мира, отраженного в сущности преступности, ее внутренних свойствах и отношениях. Сложность взаимосвязей преступности обусловлена сложностью тех сущностей и процессов, которые не просто ее окружают в предметном мире, но либо детерминируют, либо сами детерминируются ею» [21].

К анализу преступности с позиций теории социальной активности и предметности человеческой деятельности обратился в «Курсе современной украинской криминологии» А. П. Закалюк. Он всесторонне проанализировал понятия «активность», «поведение», «деятельность» и пришел к выводу, что социальный феномен преступности имеет содержательную предметность, которая проявляется в деятельности криминальной активности части членов общества. Научная позиция этого авторитетного ученого способна оказать серьезное влияние на развитие отечественной криминологии и значительно укрепить методологические основы изучения преступности и разработку мер по ее сдерживанию.

Лица, совершающие преступления, не являются социально изолированными субъектами общественных отношений и не замкнуты в какой-либо особой криминальной субкультуре. Исключением могут быть отдельные группы, для членов которых преступная деятельность является основным образом жизни.

В своей общей массе лица, совершающие уголовно-наказуемые деяния, включены в систему реальных и самых разнообразных общественных отношений. Для одних преступление противоречит их жизненной диспозиции, для других — является результатом специфических ценностных ориентаций и социальных установок. Все виды правомерной активности человека в той или иной степени могут сочетаться с преступными формами поведения. Человек оказывается в состоянии сложного мотивированного выбора того или иного варианта поведения.

Общепризнано, что мотивированное поведение есть результат действия двух факторов: личностного и ситуационного. В теории самодетерминации и внутренней мотивации, разработанной американскими психологами Эдвардом Л. Диси и Ричардом М. Руаяном, под личностным фактором понимаются мотивационные диспозиции личности (потребности, мотивы, установки, ценности), а под ситуационным — внешние, окружающие человека условия (поведение других людей, отношения, оценки, реакции окружающих, физические условия и т. д.) [22].

Соответственно, выделяют два типа мотивации и соответствующих им два типа поведения: 1) внешнюю мотивацию (*extrinsic motivation*) и соответственно внешне мотивированное поведение (*extrinsic motivated behavior*) и 2) внутреннюю мотивацию (*intrinsic motivation*) и соответственно внутренне мотивированное поведение (*intrinsic motivated behavior*).

Наиболее ярко концептуализация внешнего типа мотивации представлена в бихевиористских теориях и в теориях инструментальности. Внутренне мотивированные деятельности не имеют поощрений, кроме самой активности. Люди вовлекаются в эту деятельность ради нее самой, а не для достижения каких-либо внешних наград. Такая деятельность является самоцелью, а не средством для достижения некоей другой цели [23]. Нетрудно заметить, что преступная деятельность, понимаемая как мотивированная предметная активность человека, в современных условиях объединяет обе стороны мотивационного процесса. Важно при этом понять, какие базовые ценности и мотивы лежат в основе внутренне мотивированной преступной деятельности.

Любая деятельность имеет в своей структуре потребности и мотивы ее выполнения, а также задачи и действия, направленные на их решение. Действия выполняются благодаря наличию в них многообразных операций. Преступная деятельность, как и любая иная, складывается из системы поведенческих актов, направленных на достижение конкретного результата, и имеет, таким образом, предметно мотивированный характер [24]. В основе формирования мотивов лежат те или иные потребности. Сами по себе потребности, в своем абсолютном большинстве, если они не патологические, не могут быть «общественно опасными», а тем более — «противоправными». Но способы их удовлетворения могут приобретать именно такой характер. Таким образом, преступность в своей основной массе отражает особенности удовлетворения тех или иных потребностей человека в рамках определенной разновидности его предметной деятельности. Именно поэтому А. И. Долгова определяет преступ-

ность как «социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовно-правового запрета» [25].

Дискуссионным вопросом в интерпретации преступности посредством теории деятельности является определение соотношения между преступлениями, которые имеют характер единичных поступков, импульсивных движений, случайных действий и т. п., и деятельностью как системной последовательностью поведенческих актов, направленных на достижение конкретных результатов. Можно ли считать деятельностью преступление, выразившееся в импульсивном действии, например, в виде ответной реакции на противоправные действия?

Следует признать, что «деятельностная» концепция преступности не является всеобъемлющей. Данная научная конструкция может быть использована при анализе практически всех умышленных и неосторожных преступлений, за исключением так называемых «реактивных» преступлений. Хотя статистика не содержит сведений о количестве «реактивных» преступлений в силу сложности их идентификации, исследователями отмечается их относительно небольшое количество и тенденция к возрастанию. А. Ф. Зелинский, обстоятельно изучивший данную проблему, считает, что реактивные и импульсивные преступления носят, безусловно, умышленный, мотивированный характер, но лишены, в большинстве своем, признаков преступной деятельности [26].

В данном случае нужно разграничивать психологическое содержание понятия «деятельность», которое используется при анализе поведения конкретного индивида, и социальное содержание деятельности, понимаемой как социальная практика. Именно психологическое содержание в понятие «преступная деятельность» вкладывал профессор А. Ф. Зелинский. Импульсивное телодвижение, получившее уголовно-правовую оценку как преступление, не вписывается в концепцию преступной деятельности индивида в психологическом смысле, хотя может быть следствием его психологических качеств и жизнедеятельности в целом как целостной личности. Как разновидность социальной практики подобные виды человеческих поступков также весьма распространены.

Вместе с тем очевидно, что подобные деяния тесно связаны с социально значимой предметной деятельностью конкретного человека и его внутренними переживаниями, эмоциями, потребностями. Уместно вспомнить, что академик А. Н. Леонтьев утверждал: «...необходимо различать, с одной стороны, беспредметные стенические, астенические состояния, а с другой — собственно эмоции и чувства, порождаемые соотношением предметной деятельности субъекта с его потребностями и мотивами. Но об этом нужно говорить себе. В связи же с анализом деятельности достаточно указать на то, что предметность деятельности порождает не только предметный характер образов, но также предметность потребностей, эмоций и чувств. Процесс развития предметного содержания потребностей не является, конечно, односторонним. Другая его сторона состоит в том, что и сам предмет деятельности открывается субъекту как отвечающий той или иной его потребности. Таким образом, потребности побуждают деятельность и управляют ею со стороны субъекта, но они способны выполнять эти функции при условии, что они являются предметными» [27]. Не все виды

преступлений могут иметь характер деятельности в узком психологическом ее значении, однако все преступления, в том числе эмоционально окрашенные (например, убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения), обусловлены тем или иным предметом деятельности.

В отличие от реактивных преступлений неосторожные преступления имеют устойчивые признаки широко распространенной предметной деятельности и социальной практики. Не случайно в последние годы в стране регистрируется до двадцати процентов неосторожных преступлений.

А. П. Закалюк совершенно справедливо указывает на то, что неосторожные преступления совершаются в определенной социальной среде, характеризующейся конкретными формами человеческой активности и деятельности. Так, он, в частности, выделяет: природную среду, в которой человек действует по схеме «человек — природа»; общественно организованную среду, в которой человек осуществляет те или иные виды профессиональной деятельности (эксплуатация транспорта, обслуживание техники, оказание медицинских, коммунальных услуг и т. п.) [28].

Неосторожные преступления, как правило, совершаются в рамках того или иного вида человеческой деятельности, в связи с выполнением определенных функций. Лишь незначительное число таких деяний имеет исключительно ситуативный характер и связано с доминирующим влиянием внешних обстоятельств. Таким образом, мы можем сделать вывод, что фактически весь массив преступлений предстает как социальная практика людей и проявляется в конкретной предметной деятельности.

Деятельность может быть индивидуальной и коллективной. Всю практическую деятельность по изменению и преобразованию природы, социума и собственной жизнедеятельности человек осуществляет в сотрудничестве, в кооперации с другими людьми. Поэтому отношения людей как субъектов практической деятельности к преобразуемой ими реальности всегда предполагают также отношения реального взаимодействия людей в процессе этого преобразования. Такие отношения охватываются понятием «коллективная деятельность».

Организованная преступность дает основание говорить о коллективной преступной деятельности. Так называемая «корпоративная преступность» также имеет признаки коллективной преступной деятельности. Вместе с тем важно подчеркнуть, что коллективную преступную деятельность нельзя рассматривать как простое количественное расширение индивидуальной деятельности. Речь идет о *взаимобусловленной деятельности* различных субъектов, предполагающей специфические формы коммуникации. Другими словами, индивид включается в существующую систему коллективной деятельности, в социальный обмен предметными деятельностями, в том числе в обмен между криминальными и некриминальными видами деятельности. В контексте разнообразия криминальной активности можно сказать, что миллионы людей в мире, совершающих уголовно наказуемые деяния, не всегда свободны в выборе того или иного варианта поведения, так как связаны различными видами коллективной деятельности, среди которых широко распространены и криминальные.

В современных социальных науках совместным намерениям, убеждениям и практическим действиям субъектов уделяется незначительное внимание, хотя понятия социальных практик и социальных институтов можно раскрыть только на основе идеи коллективной интенциональности (*интенциональность — намерение, полагание*). Коллективная интенциональность составляет основу стандартных социальных практик и социальных институтов и является центральной для онтологии социального мира, так как основная часть социальной реальности конструируется коллективно [29]. «Такие основополагающие понятия, как социальные институты, требуют для своего концептуального конструирования коллективного решения и коллективной деятельности, которые могут быть осуществлены на основании либо коллективного намерения, либо коллективных убеждений» [30].

В современном обществе доминирует коллективная деятельность. Более того, данная деятельность приобретает глобальный характер, что связано с глобализацией экономики, политики, всех сфер общественной жизни. Создание транснациональных корпораций, международных концернов, политических и юридических организаций, многочисленных акционерных предприятий и т. п. способствует тому, что их участники становятся субъектами коллективной деятельности. Не всегда такая деятельность совершается в точном соответствии с законом. Например, масштабные финансовые «пирамиды» насчитывают тысячи граждан.

Юридические лица, как хозяйствующие субъекты, нередко не просто становятся активными субъектами преступной деятельности, но и вовлекают в нее своих сотрудников, многие из которых сознательно принимают решение об участии в незаконных действиях и фактически становятся соучастниками коллективной преступной деятельности. Системная коррупция в таких сферах, как управление, образование, здравоохранение, судебная и правоохранительная деятельность и пр., является в большинстве своем негласным «договором» о совместной (коллективной) преступной деятельности.

Как следствие, формируется коллективная криминальная психология — разновидность нового коллективистского мышления на основе асоциальных ценностей. Существенное влияние на поведение индивида оказывают коллективные (корпоративные) ценности. Регулятором коллективистского поведения стали так называемые корпоративные «правила игры». Появилась корпоративная культура, коллективная мотивация. Не случайно в социальной психологии и социологии много внимания уделяется терминам «команда», «человек команды» и др. Естественным в такой ситуации является появление коллективных субъектов преступной деятельности. Названные феномены лежат в основе институционализации преступности.

Предметность преступности обнаруживается в том, что преступность оказывает обратное влияние на общество. Механизм обратного влияния основан на том, что преступная деятельность глубоко имплементирована в социальную ткань общества — экономические, политические, иные социальные отношения. Миллионы бывших и действующих преступников оказывают влияние на функционирование общества, являясь активными участниками одновременно

многих социальных практик. Преступление связано с нарушением основополагающих прав человека, причиняет материальный и моральный вред.

Предметность преступности обуславливает ее самодетерминацию. Самодетерминация преступности возможна постольку, поскольку в социуме существует определенная деятельность (в данном случае — преступная), которая тесно связана с другими видами деятельности. Самодетерминация преступных форм поведения осуществляется через взаимообуславливание различных видов деятельности, которые совершает тот или иной человек (деятель). Один вид предметной деятельности порождает другой вид предметной деятельности. Происходит обмен деятельностью. В криминологии такого рода связи называют связями «развития» и «порождения» [31].

Преступная деятельность одних индивидов вовлекает в свою орбиту других людей, которые оказываются зависимыми от этой деятельности. Формируется порочный круг. Люди ведут преступный образ жизни, создают преступную среду обитания, которую сами не только конструируют, но и воспроизводят за счет других людей. В криминологическом понимании воспроизводство преступности предстает как социальный процесс, заключающийся в непрерывно продолжающихся циклах обмена результатами предметной деятельности.

Рассматривая преступность как разновидность предметной деятельности, проявляющейся в системе иных видов социальной активности, можно найти объяснение таким широко распространенным видам преступности, как «беловоротничковая» (экономическая, должностная), корыстная (хищения имущества, мошенничество, вымогательство и др.), насильственная (убийства, телесные повреждения), политически мотивированная насильственная (терроризм, захват заложников) и др.

Поскольку преступная деятельность фактически «встроена» в систему реальных общественных отношений, ее анализ невозможен без понимания сути практической деятельности людей. Такой подход позволяет по-новому взглянуть не только на механизм воспроизводства преступности, но и на проблему предупреждения преступности. Как пишет Ю. В. Громыко, решение фундаментальных проблем психологии, философии, права, теории развития институтов связано с определением роли и функции деятельностных представлений в построении теории развития общественной практики. Теоретический анализ системно-типологического понятия различных областей практики и институтов на основе деятельностных представлений демонстрирует возможность использования данной методологии в самых различных областях практики — предпринимательской сфере, общественного воспитания, разработке новых подходов к понятию безопасности, борьбе с терроризмом и др. [32].

Проблема преступной деятельности не исчерпывается рассмотренными в статье вопросами. Познание преступности в контексте её интерпретации через призму социальной активности индивида, проявляющейся в том числе в индивидуальных и коллективных формах преступной деятельности, не утратило актуальность, а наоборот, в современных условиях глобализации и взаимообусловленности существования конкретных социумов приобретает важное прак-

тическое значение. Пересмотр репрессивной концепции сдерживания преступности в сторону изменения мотивации человеческих поступков, позитивного «опредмечивания» его деятельности, наполнения коллективных форм деятельности антикриминальным содержанием, во взаимосвязи с преодолением правового нигилизма, может стать основой для формирования современной практической криминологии.

Литература

1. См.: В. В. Давыдов, Ю. В. Громыко. Теория деятельности и социальная практика. Доклад на III Международном конгрессе по теории деятельности // Альманах «Восток», вып. № 7\8 (31\32), 2005. — <http://www.situation.ru>.
2. См.: Поросёнок С. В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения. — Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 2002. — 408 с.
3. Швырев В. С. Проблемы разработки понятия деятельность как философской категории // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990. С. 13.
4. См.: Дрёмин В. Н. Преступность как социальная практика и предметная деятельность // Наукові праці ОНЮА. — Т. 5. — Одеса: Юридична література, 2006. — С. 251–261.
5. Новоселова И. А. Субъектность и деятельность // Философские дескрипты. Сборник статей, выпуск 2, 2002. — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. — С. 178–187.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — С. 304. См. также: Леонтьев А. Н. Деятельность и личность // Вопросы философии. — 1974, № 4, с. 87–97; № 5, с. 65–78; Леонтьев А. Н. О значении понятия предметной деятельности для психологии // Материалы XX Международного психологического конгресса (Япония, Токио, 13–19 августа 1972 г.) / Под ред. Б. Ф. Ломова, Е. В. Шороховой, Э. А. Фарапоновой. — М.: 1974, с. 51–62.
7. См.: Современный философский словарь. — М., 1996. С. 14.
8. См.: Кемеров В. Е. Предметная деятельность — принцип развития общественных отношений // Философия. Люди. Жизнь. — Екатеринбург, 1997, с. 37.
9. См.: Кемеров В. Е. Указ. раб., с. 38.
10. См.: Современный философский словарь. — М., 1996, с. 14, 26–27.
11. См.: Кемеров В. Е. Указ. раб., с. 34–43.
12. См.: Зелинский А. Ф. Понятие «преступная деятельность» // Сов. государство и право. — 1978. — № 3, с. 98–100; Зелинский А. Ф. Некоторые вопросы квалификации преступной деятельности // Труды ВШ МВД СССР. — Волгоград, 1979, вып.11, с. 27–32.
13. См., например: Зелинский А. Ф. Злочинна діяльність: поняття та відповідальність // Радянське право, 1991, № 12; Зелинский А. Ф. О понятии преступной деятельности // Проблемы укрепления законности в условиях проведения реформ (матер. научно-практ. конф.). — Владикавказ, 1991, с. 56–58.
14. См.: Зелинский А. Ф. Понятие «преступная деятельность» // Сов. государство и право. — 1978. — № 3, с. 98–100; Зелинский А. Ф. Некоторые вопросы квалификации преступной деятельности // Труды ВШ МВД СССР. — Волгоград, 1979, вып.11, с. 27–32.
15. См.: Зелинский А. Ф. Рецидив преступлений (структура, связи, прогнозирование). — Харьков. — 1980.
16. Зелинский А. Ф. Криминальная психология. Научно-практическое издание. — К.: Юринком Интер, 199, с. 84–88.
17. См.: Костенко А. Н. Криминальный произвол (социопсихология воли и сознания преступника). — Киев, изд-во «Наукова думка», 1990, с. 123–126.
18. См., например: Тищенко В. В. Корыстно-насильственные преступления: криминалистический анализ: Монография. — Одесса: Юридична література, 2002, с. 10–15; Дрёмин В. Н. Преступность как объект системного анализа // Актуальні проблеми держави та права, № 7, 2000. — С. 242–255; Сакало В. О. Тактика злочинної діяльності. — Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — К., 2002. — С. 24; Вахин В. П., Карпов Н. С. Преступная деятельность как объект криминалистического изучения. Лекция. — К., 1999, с. 22.

19. См.: Дремин В. Н. Преступность как объект системного анализа // В сб.: Актуальні проблеми держави та права, № 7, 2000. — С. 255.
20. См.: Дремин В. Н. Преступность и её организованные формы как социальная практика // Библиотека журнала «Юридический вестник»: Информационное обеспечение противодействия организованной преступности (сборник научных статей). Под ред. М. Ф. Орзиха, В. Н. Дремина. — Одесса: Феникс, 2003. — С. 12–25; Дремин В. Н. Коррупционная практика: актуальные вопросы уголовно-правового воздействия // Правовые проблемы противодействия организованной преступности: сб. науч. статей / Под ред. М. Ф. Орзиха, В. Н. Дремина. — Библиотека журнала «Юридический вестник». — Одесса: Феникс, 2005. — С. 99–109.
21. См.: Горшенков Г. Н. Политический режим, средства массовой информации и преступность // Политический режим и преступность / Под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — С. 122–156.
22. В. И. Чирков. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии, № 3, 1996, с. 116–132.
23. В. И. Чирков. Указ. раб., с. 116–132.
24. См.: Зелинский А. Ф. Понятие «преступная деятельность» // Сов. государство и право. — 1978. — № 10. — С. 98–100; Дремин В. Н. Преступность как социальная практика и предметная деятельность // Наукові праці ОНЮА. — Т. 5. — Одеса: Юридична література, 2006. — С. 251–261.
25. Долгова А. И. Преступность, её организованность и криминальное общество. — М.: Российская криминологическая ассоциация. 2003, с. 7.
26. См.: А. Ф. Зелинский. Криминальная психология, с. 116–132.
27. См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1977. — С. 88–89.
28. См. подробнее: А. П. Закалюк. Курс современной украинской криминологии. Кн. 2. Криминологическая характеристика и предотвращение совершения отдельных видов преступлений, с. 674–680.
29. Tuomela R.. Collective Acceptance, Social Institutions and Social Reality // American Journal of Economics and Sociology. Jan 2003. Vol. 62. No. 1., p. 132.
30. Tuomela R. The Philosophy of Social Practices: A Collective Acceptance View // Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 68–70.
31. См.: Зелинский А. Ф., Дремин В. Н. Преемственность криминогенных ситуаций при рецидиве преступлений. — В сб.: Проблемы правопедания, вып. 40. — Киев, 1979, с. 87–91.
32. См.: Ю. В. Громыко. Век мета: современные деятельностные представления о социальной практике и общественном развитии. — М., 2006. — 504 с.

Аннотация

Дремин В. Н. Теоретические основы концепции преступной деятельности в криминологии. — Статья.

В статье рассматриваются философские, психологические и криминологические аспекты теории деятельности. Обосновывается вывод о предметности преступной деятельности и мотивации преступного поведения. Формулируются выводы о перспективах применения деятельностного подхода в предупреждении преступности.

Ключевые слова: преступная деятельность, криминальные практики, мотивация преступного поведения, предупреждение преступности.

Анотація

Дремин В. М. Теоретичні основи концепції злочинної діяльності в криминології. — Стаття.

У статті розглядаються філософські, психологічні та криминологічні аспекти теорії діяльності. Обґрунтовується висновок щодо предметності злочинної діяльності і мотивації злочинної поведінки. Формулюються висновки про перспективи застосування діяльнісного підходу в попередженні злочинності.

Ключові слова: злочинна діяльність, кримінальні практики, мотивація злочинної поведінки, попередження злочинності.

Summary

Driomin V. N. The theoretical bases of the concept of criminal activity in criminology. — Article.

The article analyzes philosophical, psychological and criminological aspects of activity theory. The conclusion on the materialism of criminal activity and motivation of criminal behavior is grounded. The conclusions on the prospect of the use of activity approach in crime prevention are formulated.

Keywords: criminal activity, criminal practices, motivation of criminal behavior, crime prevention.

УДК 343.132(477)001.73

В. О. Глушков, О. А. Білічак

ПРОЦЕСУАЛІЗАЦІЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗШУКОВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ У КОНТЕКСТІ РЕФОРМУВАННЯ КРИМІНАЛЬНО-ПРОЦЕСУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАВСТВА УКРАЇНИ

Проблеми співвідношення оперативно-розшукової та кримінально-процесуальної діяльності уповноважених законом органів у розкритті та розслідуванні злочинів неодноразово дебатувалися в науковій літературі, обговорювалися на наукових конференціях та робочих зустрічах працівників правоохоронних відомств, виступали предметом самостійних наукових досліджень. Незважаючи на те, що на сьогодні ці два поки що відокремлені види діяльності уповноважених законом органів мають перед собою спільну мету, серед представників наукових кіл та досвідчених практиків і досі не спостерігалось одностайності думок щодо можливості їх поєднання. Найбільш вагомим аргументом супротивників процесуалізації оперативно-розшукової діяльності завжди виступало те, що вона здійснюється негласно, із використанням тих форм та методів роботи, які не притаманні традиційному в Україні досудовому розслідуванню. Проте, враховуючи стан правоохоронної діяльності в Україні, загальносвітові тенденції із удосконалення нормативно-правової регламентації кримінально-процесуального провадження, направлені в основному на введення до системи слідчих дій конспіративних методів отримання доказової інформації, нещодавно було прийнято і схвалено новий Кримінальний процесуальний кодекс України.

Розробка та прийняття нового Кримінального процесуального кодексу України стали одним із послідовних кроків законодавця у оновленні системи кримінальної юстиції, концепція реформування якої визначена рішенням Ради національної безпеки і оборони України від 15 лютого 2008 року «Про хід реформування системи кримінальної юстиції та правоохоронних органів», затвердженим Указом Президента України № 311/2008 від 8 квітня 2008 року [1]. Реалізуючи програмні вимоги цього документу, Україна сьогодні знаходиться на порозі радикальних змін самої системи кримінального переслідування, у контексті якої здійснюється поступальний розвиток оперативно-розшукового